

Юй Шанчжи перебрался на кровать в восточной комнате и почувствовал, что происходящее... слегка выходит из-под контроля. Раньше они с Вэнь Ецаем спали в разных комнатах, между ними сохранялась та самая необходимая, тактичная дистанция.

А теперь... что это вообще такое?

Не говоря уже о том, что как только он переступил порог дома семьи Вэнь, по сути, уже должен был взять на себя ответственность за Вэнь Ецаю. А сейчас они вот-вот лягут на одну кровать...

Если потом он вдруг захочет уйти, репутация Вэнь Ецаю будет безвозвратно испорчена.

В голове — тысяча мыслей, но благодаря жизненному опыту из прошлой жизни Юй Шанчжи научился никогда не показывать свои эмоции на лице.

Вэнь Ецаю тем временем был занят тем, что расстилал постель, и ничего странного вовсе не заметил.

— Эта комната раньше была моей, мебель тут старая, но всё необходимое есть, — сказал он, стоя у стола, на котором стояла миска с горячей водой. Он опустил в неё руку и отжал тёплое влажное полотенце.

На мгновение замер, потом обернулся и протянул полотенце Юй Шанчжи, касаясь его руки. Только когда тот взял его, он продолжил:

— Сегодня утром я встретил Бай Пина. Зашёл разговор о том, что я собираюсь пойти в город за лекарствами, и упомянул, что ты назначил Санъя новое средство. Не ожидал, что уже ночью у маленького Дие-гера случится приступ, вот они и пришли за помощью. Ты ведь ещё не поправился, а я разбудил тебя среди ночи — за это я виноват перед тобой.

Эти слова он обдумал заранее — хотел всё объяснить Юй Шанчжи как можно яснее. Он действительно дорожил Юй Шанчжи и хотел жить с ним вместе, не допуская между ними ни малейшего недоразумения. Новый муж только-только переступил порог их дома, и, по сути, это была их первая встреча. Между ними ещё не сложилось никакого взаимопонимания, и если не объясниться сразу, то потом это может стать занозой в сердце, от которой будет только хуже.

Юй Шанчжи принял у него полотенце — его прохладные кончики пальцев коснулись горячей ткани, и в эту всё ещё прохладную весеннюю ночь это ощущение показалось особенно умиротворяющим.

— Не стоит говорить о вине, — спокойно ответил он. — Я ведь врач. Лечить и спасать — моя прямая обязанность. А вот закрыть глаза на чужую беду — вот это действительно было бы преступлением.

Глаза Вэнь Ецая засветились:

— Значит... ты не сердишься на меня?

— С чего бы мне сердиться?

Как только прозвучали эти слова, человек рядом с ним, казалось, даже дышать стал легче.

Юй Шанчжи не сердится! Губы Вэнь Ецая невольно приподнялись — он и сам не заметил, что, будь у него хвост, как у Давана или Эрвана, он, вероятно, не удержался бы и дважды им вильнул.

Он взглянул на Юй Шанчжи — тот всё ещё держал в руках полотенце и ничего с ним не делал. Тогда Вэнь Ецай сказал:

— Не держи его просто так. Хоть мы и умывались перед сном, но за ночь успели повозиться — лучше протрись ещё раз, будет легче заснуть.

Они по очереди немного умылись, после чего Вэнь Ецай закончил стелить постель. Прежде он спал здесь один, и у него было лишь одно, небольшое хлопковое одеяло — явно недостаточно на двоих. Но раз уж Юй Шанчжи теперь спал здесь, он заранее об этом подумал и принёс из главной комнаты большое одеяло. Хлопок для одеяла специально достали ещё до свадьбы и отдали на перешивку — Вэнь Ецай нашёл мастера, который снова взбил его до пышности. После этого одеяло два дня проветривали под солнцем — теперь оно было мягкое и лёгкое.

— Кровать здесь узкая, боюсь, придётся немного потесниться, — сказал Вэнь Ецай, но в глубине души от этой мысли даже слегка развеселился.

Из-за дневной неразберихи да к тому же болезни Юй Шанчжи, он не осмеливался сам предложить лечь рядом. А теперь судьба сама поднесла такой шанс — упустить было бы жаль.

Разве Юй Шанчжи, прожив в прошлой жизни не меньше двух десятков лет, мог не понять, что стоит за этими словами? Только услышав их, он уже догадался о скрытых мыслях Вэнь Ецая. Но он ведь не какая-нибудь наивная девица, чтобы стыдливо мяться и жеманничать по такому поводу — это было бы попросту несерьёзно.

Он лёг на кровать — подушка была набита гречневой шелухой нового урожая, собранного минувшей осенью. Она дарила прохладное ощущение и чуть шуршала под головой, навевая чувство свежести.

— Ты ложись внутрь, если ночью что-то случится, мне будет удобнее присмотреть за тобой, — сказал Вэнь Ецай, подгоняя его. Юй Шанчжи с лёгкой долей безысходности всё же послушался и подвинулся к стене.

Он и правда сейчас не мог толком видеть и ещё был ослаблен — нечего тянуть из себя силу и изображать бодрость.

Но Юй Шанчжи очень быстро обнаружил одну проблему — кровать оказалась ещё уже, чем он думал. С одной стороны его рука уже упиралась в стену, с другой — в одеяло забрался живой человек, да ещё и прижался поближе.

Слишком близко. Пара прядей волос скользнула по щеке Юй Шанчжи, в воздухе чувствовался лёгкий запах мыльного корня. Теперь он и впрямь немного растерялся. Да, он уже прожил одну жизнь, но под одним одеялом с кем-то ещё он прежде не спал.

А рядом Вэнь Ецай, напротив, звучал совершенно непринуждённо:

— Возились до самого рассвета, петухи, поди, уже поют. Я быстренько подремлю, и ты тоже ложись, — сказал он, и вскоре его дыхание стало ровным и глубоким.

А Юй Шанчжи остался лежать в темноте с открытыми глазами, долго вглядываясь в чёрную пустоту перед собой.

Луна зашла, солнце взошло — и звонкий детский плач нарушил утреннюю тишину во дворе. Юй Шанчжи распахнул глаза. Только что проснувшийся, он чувствовал лёгкую одурь, и, пошевелив рукой, нащупал что-то мягкое и тёплое — в тот же миг всё вспомнилось: в постели ведь ещё кто-то есть.

Он поспешно отдернул руку, боясь даже представить, к чему именно только что прикоснулся.

Человек рядом тоже проснулся и пробормотал:

— Который час... — и, потирая глаза, сел в постели.

При этом его рука придавила волосы Юй Шанчжи, и тот поморщился от боли.

— Ай! — Вэнь Ецай с одеялом и всем телом мгновенно отпрянул на два цуня, смущённо пробормотав:

— Совсем заспался, забыл, что ты тоже в этой комнате.

Сказав это, он всё же не удержался и задумался: а как же они спали ночью, когда он совсем вырубился? Не обнимались ли случайно?

Он потер нос — от Юй Шанчжи исходил тонкий, едва уловимый запах трав и лекарств.

Невозможно точно описать, но пахло приятно. И за ночь, казалось, этот запах прилип и к нему самому. словно они уже действительно были одной семьёй.

После пробуждения оба не стали медлить. Юй Шанчжи быстро умывался и сразу пошёл в главную комнату — проверить состояние маленького Дие.

Прошло немного времени, и один за другим проснулись Вэнь-эрню и Вэнь-санъя. Последний ночью слышал какой-то шум, но не осмелился выйти — боялся, что надует и снова заболит. Только когда Вэнь-эрню сказала ему через окно пару слов, он немного успокоился.

Сейчас, рано утром, Вэнь-эрню, зная, что старший брат занят, не стала никого дожидаться. Сама пошла на кухню, установила маленькую глиняную печку и поставила варить лекарства для двоих. Потом принялась кипятить воду, размышляя, что бы приготовить на завтрак. В доме ещё оставались вчерашние лепёшки из смешанной муки — их можно просто разогреть на пару, а внизу поставить кашу. А ещё недавно заквашенные соленья как раз дошли до вкуса — и к каше, и к лепёшкам они будут в самый раз. Она облизнулась, чувствуя, как просыпается аппетит.

Даван и Эрван с весело виляющими хвостами носились по двору, по очереди потерлись о всех троих хозяев, после чего уселись у дверей кухни, в ожидании еды.

В доме же Бай Пин держал на руках маленького Дие-гера — тот только что вдоволь наплакался и теперь всхлипывал. Ху Дашу с растерянным видом вертелся рядом, наблюдая, как супруг укачивает ребёнка. Когда же в комнату впопыхах, поддерживаемый Вэнь Ецаем, вошёл Юй Шанчжи, на лицах всех словно отразилось облегчение — будто в дом наконец пришла уверенность.

— Температура спала? — спросил Юй Шанчжи, присаживаясь.

— Спала, спала! Всё как вы и сказали — меньше чем за час! Я без шуток говорю, Юй-ланчжун, вы поистине человек необыкновенный! — с неподдельной благодарностью воскликнул Ху Дашу.

Юй Шанчжи выслушал только то, что касалось состояния пациента: если жара нет, значит, тревожиться не о чем.

— Раз лихорадка прошла, то теперь, естественно, он проголодался. И плачет, скорее всего, из-за этого. Дайте ему поесть то, что вы обычно даёте — с лекарствами это не конфликтует.

Услышав это, Ху Дашу поспешно схватил маленький глиняный горшочек и побежал к дому Эр-Чжуцзы купить свежего козьего молока.

В комнате остался только Бай Пин с ребёнком на руках. Перед высоким и внушительным Юй

Шанчжи он немного стусевался и опустил голову. Вэнь Ецай, заметив это, тоже сел на кровать, прижавшись к Бай Пину плечом.

— Шанчжи, а ты не будешь проверять пульс у Дие-гера? — спросил он. Этот вопрос давно вертелся у него на языке: ведь когда другие врачи лечили, первым делом всегда проверяли пульс. Почему же сейчас, с Дие-гером, всё по-другому? Неужели у маленьких детей нет пульса?

Услышав вопрос, Бай Пин тоже с интересом взглянул на Юй Шанчжи.

— У детей младше трёх лет пульс не считается показателем, — пояснил тот. — Поэтому, когда младенец болен, пульс можно и не щупать.

После этих слов оба гера перед ним одновременно ахнули с просветлённым выражением лиц.

— Но есть ещё один способ, который стоит проверить, — добавил Юй Шанчжи, отвернулся и прикрыл губы, сдерживая кашель. — У меня зрение ещё не восстановилось, брат Цай, помоги мне.

Вэнь Ецай поднял голову, на лице отразилось явное удивление. Через некоторое время Бай Пин поднёс маленького Дие к окну, где света было больше — так было видно лучше. Юй Шанчжи осторожно взял пухлый пальчик малыша, обнажил внутреннюю сторону указательного пальца, чуть сильнее надавил и начал легко проводить вдоль, при этом объясняя:

— В медицине основа диагностики — это «наблюдение, выслушивание, опрос и прощупывание». У младенцев вместо пульса часто смотрят на сосудистую линию на указательном пальце. Ночью было слишком темно, ничего не разобрать. Брат Цай, сейчас ты сможешь мне — посмотри на внутреннюю сторону указательного пальца, вот на эту линию.

Юй Шанчжи длинными, тонкими пальцами показал:

— Смотри против света — ты увидишь полоску, скажешь мне, какого она цвета и до какого сустава доходит.

Потом, чтобы Бай Пин не тревожился за ребёнка и не волновался по поводу участия Вэнь Ецай, он добавил:

— Бай Пин, ты тоже смотри вместе с ним. Это несложно, если вы научитесь, то в следующий раз, когда ребёнок заболит, сможете сразу прикинуть, серьёзно ли. Тогда, даже до того как позовёте лекаря, уже будет яснее, что делать.

Вэнь Ецай и Бай Пин слушали, затаив дыхание, потом переглянулись с нескрываемым

изумлением. В их представлении врач — это почти колдун: старик с козлиной бородкой, щурится, проверяет пульс и потом таинственно выносит вердикт.

Почему же, стоит только Юй Шанчжи заговорить — и сразу кажется, будто всё так просто, что и они сами с этим справятся?

Сам Юй Шанчжи этому не удивлялся. В прошлой жизни, в эпоху интернета, повсюду были научно-популярные материалы, да и короткие видео помогали быстро обучиться чему угодно — стоило лишь пальцем пошевелить. Медицина, конечно, дело глубокое, не такое, что за один вечер поймёшь. Но базовые, элементарные знания — это совсем другое. Немного медицинской грамотности в голове ещё никому не повредило.

Хотя потеря зрения, конечно, для врача — это огромное препятствие. В случае с маленьким Дие, которому ещё нет и трёх, пришлось прибегнуть к такому временно допустимому способу.

При наблюдении за сосудистой линией на пальце есть такая присказка: «По глубине — наружное или внутреннее, по цвету — холод или жар, по бледности — пустота или полнота, по участку — тяжесть или лёгкость».

Первое и третье объяснить сложно, но второе и четвертое более-менее понятны. Проведя по пальцу некоторое время и ориентируясь на собственный опыт, Юй Шанчжи прикинул, что сосудистая линия уже проявилась. Тогда он попросил двоих геров у окна поднять ребёнка к свету, чтобы хорошо рассмотреть.

Сказать просто, а на деле — дело не из лёгких. Оба гера уставились на палец и лишь спустя долгое время смогли с натяжкой выдать ответ: судя по всему, линия была синевато-фиолетовая и не доходила даже до первого сустава, ближайшего к основанию пальца, у «пасти тигра» (место между большим и указательным пальцами).

— Симптомы совпадают, ничего серьёзного, — сказал Юй Шанчжи, кивнув, подтверждая их наблюдения. — Пропьёт курс лекарства — и будет в порядке. С детьми так и бывает, болеют чаще, но в этом нет ничего страшного. Главное — сейчас погода переменчивая, то холодно, то тепло, — так что берегите его от сквозняков.

Он слегка наклонил голову, признавая, что оба справились с задачей и всё увидели верно.

Вэнь Ецай похлопал Бай Пина по тыльной стороне руки:

— Раз Шанчжи так говорит, значит, всё хорошо. У Дие-гера большая удача, не иначе.

Бай Пин, с тех пор как стал родителем, в отличие от более стойкого Вэнь Ецай, стал чувствительнее. Стоило ребёнку заболеть, как его тут же охватывали тревога и мнительность. Теперь, узнав, что с Дие-гером всё в порядке, он невольно прослезился от облегчения.

Вэнь Ецай же хуже всего чувствовал себя именно в такие моменты — он, конечно, мог сказать пару слов утешения, но в его словаре их было слишком мало, и к тому же одни и те же. После недолгих раздумий он решил просто перевести разговор.

— Пора, наверное, писать рецепт? Я сейчас позову Санъя, чтобы принёс бумагу и кисть.

Но едва он поднялся, как из двора раздался слаженный лай двух собак.

— Это ещё что такое? — нахмурился Вэнь Ецай, на лбу пролегла едва заметная складка.

Если Даван и Эрван подняли такой шум, значит, во двор пришёл кто-то посторонний. Это точно не Ху Дашу — за ночь он несколько раз входил и выходил, псы уже привыкли к его запаху и не стали бы волноваться без причины. В доме стояла тишина, а снаружи раздавался всё нарастающий шум — смутно слышались крики и перебранка между мужчиной и женщиной.

Бай Пин прислушался, и его лицо тут же изменилось.

— Плохо дело!

Он не успел ничего объяснить, как в ворота со всего размаху забарабанили кулаками. Нарочито громкий женский голос притворным воплем разнёсся по двору:

— Бесстыдство! Нет больше ни совести, ни закона! Этот подлый Цай-гер вместе со своим дикарем, обманули мою семью — вытянули все деньги у нашей семьи Ху!

<http://bllate.org/book/13600/1205923>